

ВЛАДИМИР МИРОНОВ

проректор МГУ им. М. В. Ломоносова,
декан философского факультета МГУ

Журнал «Логос» прошел к настоящему времени уже довольно долгий путь, но зародился он на философском факультете МГУ. Поделитесь Вашими наблюдениями о журнале и его эволюции.

Мне об этом журнале интересно говорить, потому что история его возникновения была определенным образом связана с нашим факультетом. Инициаторами идеи журнала и его создателями были молодые философы, выпускники философского факультета. И это не случайно. Журнал возник как отражение тех изменений, которые происходили в стране и которые к 1991 году представлялись уже необратимыми, что и должно было выразиться в изменении философских парадигм. С самого начала журнал занял философскую позицию, противоположную вариантам кондового советского марксизма, претендуя на возвращение философии к её изначальному смыслу, то есть, прежде всего, к философскому языку, диалогу, если хотите к «логосу». Более того, в это время ряд инициаторов журнала хотели, чтобы журнал базировался на философском факультете. Валерий Анашвили (главный редактор журнала) начал работать на факультете в этот период не только как молодой учёный, но и как редактор зарождающегося журнала. Это была красивая идея, которую по ряду причин (в том числе и материальных) реализовать не удалось. «Логос» ушел в свободное плаванье и решал задачи своего обеспечения самостоятельно. Но при этом интеллектуальная связь с факультетом остаётся до сих пор, так как на страницах журнала регулярно появляются тексты наших авторов. И хотя журнал не прикреплен институционально к факультету, он, на мой взгляд, сохранил определенный дух университета. В этом плане я даже воспринимаю журнал как своеобразную «виртуальную кафедру» факультета и можно было бы себе представить такую кафедру в реальном виде по той проблематике, которая присутствует в журнале. Эта проблематика, которая представляет собой материал для философской рефлексии, которая является элементом университетского освоения философии, несмотря на часто упоминаемый «антиакадемизм» журнала.

«Логос» периодически меняет своих «патронов», но удивительно то, что журнал не стал ангажированным (в худшем смысле этого слова). Я внимательно слежу за журналом, и могу высказать на этот счет вполне обоснованное суждение. Он остался, на мой взгляд, таким, каким он себя и позиционировал с самого начала. Это журнал, который в нужной степени является элитарным. Что, на самом деле, очень важно для философии. Потому что мы знаем массу

журналов, которые, по сути, заняты репродуцированием серости. Может быть, эта серость приобрела другие черты, облеклась в новую понятийную оболочку, но, по сути, осталась все той же.

«Логос» занял свою нишу. И мне кажется, что для каждого современного российского философа важно быть опубликованным в «Логосе» — будь то в форме статьи, комментария или перевода. Эта мысль, так сказать, щекочет его нервы. Среди тех, кто сегодня философствует (не хочу употреблять термин «философ»), то есть занимается живым философским размышлением, журнал котируется очень высоко. Если бы мы выставляли какие-то рейтинги, то «Логос», безусловно, занимал бы одну из первых строк.

Если говорить о том, что нравится в журнале, то, на мой взгляд, «Логосу» особенно удавались те номера, которые были посвящены не только чисто философским проблемам. Например, из последних могу вспомнить тематический номер «Проблема перевода», где есть и публикация параллельных переводов, и дискуссия по поводу перевода. Я даже рекомендовал этот номер, когда на факультете шло обсуждение темы диссертации по философии перевода. И дискуссии, и тематики, который выбирает журнал, всегда интересны.

Резюмируя, могу сказать, что к журналу у меня самое хорошее отношение: это отличный профессиональный философский журнал, с нужным налетом клубности и элитарности, который дает понять, что не каждый человек, который называется профессором или даже академиком, может там опубликоваться. Это свидетельствует о самостоятельной позиции редакции, тех людей, которые делают журнал. Не говорю уже о том, что журнал просто приятно держать в руках. Важнейшая заслуга журнала, особенно в наше время, состоит в том, что он репродуцирует себя в Интернете. Я смотрел все электронные архивы журнала. И если архив первых номеров еще не очень хорошо выполнен, то сейчас архив очень хороший.

Как вы в целом относитесь к публичности, можно даже сказать популярности философии?

Если говорить об этом в связи с «Логосом», то его популярным назвать трудно. Или, если хотите, это иная степень качества самой популярности. Он популярен — внутри философского сообщества, как какой-нибудь известный математический журнал среди математиков. Вы же, наверное, имеете в виду популярность иного, более массового типа. Как ни неожиданно это прозвучит — я за популярность философии, точно так же как за популярность физики или математики. Более того, на мой взгляд, это сегодня одна из важнейших задач философии. Конечно, автономность (индивидуальность), которая недоступна иному пониманию, в философии всегда останется. Но одновременно, странным представляется позиция, когда в этом видят чуть ли не главную особенность философии. В таком понимании философия замыкается в себе и закрывается для других. Ведь для чего мы рассуждаем, например, о проблемах этики? Это конечно, интересно как теоретическая проблема, но это имеет и практические выводы, выводящие нас за пределы чистой философии. В конечном счете, мы стремимся к тому, чтобы люди действовали в соответствии с определенными этическими принципами. Но этого нельзя достичь, пока мы рассуждаем об этике в пределах замкнутой профессиональ-

ной философской среды. Этика (как и другие выводы философов) должна выходить на уровень «обыденного сознания», в котором пребывает абсолютное большинство людей, в том числе и самих философов. Но при этом необходимо решить проблему того, как изложить философские идеи популярно, без потери их теоретического уровня. Для философии это вещь принципиальная. Я считаю, что философия должна и может быть популярной, сохраняя, однако, тонкую грань, не позволяющую переходить от популярности к упрощению. А для этого нужен определенный талант: очень мало философов могут быть популярными, оставаясь при этом глубокими.

Этому противостоит то, что я называю «псевдофилософией». Псевдофилософия неосознанно исходит из идеи, что философия — это обязательно нечто принципиально сложное. Можно проиллюстрировать это в связи с теми же переводами. В девяностые годы вдруг все, кому не лень, начали переводить Хайдеггера. В советское время это было невозможно — для этого нужно было проходить разные инстанции и т. д. И вот человек, который два года изучал немецкий язык, берется за свой перевод Хайдеггера очень банальным способом. Он кладет перед собой «Большой немецко-русский словарь» и начинает творить. В тексте ему встречается, положим, немецкое слово «Raum», что означает «пространство». Но наш переводчик, зараженный идеей псевдофилософии, исходит из стереотипа, что Хайдеггер — это сложный философ, и, следовательно, не может говорить просто о «пространстве». Тогда в словаре он находит какое-нибудь пятнадцатое значение этого слова, которое обладает наиболее туманным смыслом. Представьте, какой текст мы получаем в итоге! Здесь даже не обязательно обращаться к переводам. Можно взять любой текст из «Московского комсомольца» и, вооружившись словарем Даля, сделать его перевод по тому же принципу — подставляя всякий раз двадцатое значение употребляемых там слов. Мы можем получить очень непонятный и «философский» в этом смысле текст. Ортега-и-Гассет однажды заметил, что философия должна прояснять. Философия делает ясным то, что было смутным в мифе, сказал, по-моему, И. Кант. Если идеи понятны, то о них можно и нужно говорить ясно. И это не имеет ничего общего с пониманием философии как деятельности, направленной на затуманивание, когда критерием философичности является наименьшая понятность для других людей, в идеале полная непонятность. Эта проблема особенно остро встает сегодня, в условиях той коммуникативной ситуации, в которой мы находимся.

Но она стоит не только перед философами. Образцом популяризации в хорошем смысле слова является для меня Эйнштейн. Ведь специальная теория относительности была сначала изложена практически без формул. Лучшее самого Эйнштейна ее никто не изложил, и когда мы как гуманитарии с ней сталкивались, то оказывалось, что именно у Эйнштейна она изложена доступнее всего.

«Логос» начинался как журнал определенного направления — феноменологической философии. Если посмотреть на всю систему нашего философского журнального производства, то можно ли сказать, что в нем существует направленная дифференциация, характерная для журнальной системы западных стран?

Да, действительно, «Логос» в этом отношении выделялся в нашей стране. Он и сейчас сохраняет определенную направленность, которая, на мой взгляд, в большей мере является аналитической (хотя там встречаются и прямо противоположные публикации). Основная масса наших журналов имеет все же сборный характер, например, те же «Вопросы философии». В журналах не хватает текстовой проработки, комментариев, интерпретаций. А ведь, например, перевод без комментария априорно можно считать несостоявшимся. Комментарий это дополнительный механизм адаптации текста к иной культуре.

Возвращаясь к отсутствию направленных журналов, могу сказать, что это, видимо, недостаток истории нашей философии. Советская философия приучила нас к тому, что философия должна быть обязательно систематической и единой. А такому пониманию не соответствует выделение из нее отдельных философских направлений. Что, видимо, и нашло свое отражение в наших журналах. В этом, правда, есть и свои плюсы. В прошлом году мы были в Сорбонне и знакомимся с их учебными планами и расписаниями. И оказалось, что студент там может очень хорошо знать Деррида, но никогда не слышать элементарные имена из истории средневековой философии.

Так что на этом фоне «Логос» выделяется — определенный тематизм в нем присутствует, будь то феноменология, аналитика или социология знания. Что-то похожее есть, например, в Новосибирском «Вестнике»: там традиционно присутствует философия науки. Но это связано с традицией авторского коллектива, который в нем публикуется. Когда берешь этот журнал, то понимаешь, что там можно ожидать.

Но при этом замечу, что я против сведения философии к какому-то направлению, будь то герменевтика или что-то другое. Скорее, я здесь ближе к Фейербаху, с его принципом «anything goes»: различные философские подходы — это инструменты, которые позволяют нам объяснять те или иные вещи. Философия — это единое, вневременное семиотическое пространство, где все идеи, накопленные в ее истории, у нас под рукой, и мы можем свободно обращаться к любой из них.